

С. Грузенберг

**Пессимизм как вера и
миропонимание**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
С11

С11 **С. Грузенберг**
Пессимизм как вера и миропонимание / С. Грузенберг – М.: Книга по Требо-
ванию, 2023. – 65 с.

ISBN 978-5-458-54416-0

ISBN 978-5-458-54416-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

этому, объективной, научной провѣркѣ: отправной посылкой нашихъ нравственныхъ сужденій служитъ молчаливое требованіе «наивысшаго блага», которое *напередѣ уже предпрѣшаетъ вопросъ о существованіи добра и зла*; отсюда объясняется, почему,—по справедливому замѣчанію Шопенгауэра,—«проповѣдовать мораль—легко, но обосновать ее—трудно»: обоснованіе морали покоится на властныхъ и авторитетныхъ для насъ догматахъ вѣры въ добро, дающихъ высшую санкцію нашимъ нравственнымъ представленіямъ. Въ этомъ смыслѣ всякая мораль—догматична и, слѣдовательно, метафизическаго происхожденія; въ предисловіи къ «Критикѣ практическаго разума» Кантъ говоритъ, что ему пришлось «уничтожить знаніе, чтобы дать мѣсто вѣрѣ»; свою нравственную философію онъ называетъ не наукой, а „*морально обоснованной вѣрой*“; въ этомъ смыслѣ онъ могъ бы избрать девизомъ для своей «Критики практическаго разума» слова евангелиста: *«вѣрой уразумѣваемъ»* («πίστεϊ νοοῦμεν»).

Нравственныя сужденія почерпаютъ свою достовѣрность въ авторитетныхъ и властныхъ для насъ требованіяхъ вѣры въ добро: стоитъ мнѣ усомниться въ истинности моихъ нравственныхъ представленій, стоитъ мнѣ разувѣриться въ существованіи добра и зла,—и нравственныя сужденія утрачиваютъ въ моихъ глазахъ всякую достовѣрность.

Отсюда вытекаетъ слѣдующій выводъ: такъ какъ достовѣрность нравственныхъ сужденій покоится на постулатахъ *субъективной вѣры въ добро*, то *пессимизмъ, какъ нравственное сужденіе о цѣнности жизни*, по природѣ своей не поддается объективной научной провѣркѣ и, слѣдовательно, *псевдонаученъ*.

Отправляясь отъ этого положенія, попытаемся уяснить себѣ содержаніе проблемы цѣнности міра, поскольку проблема эта служить темой *пессимизма, какъ нравственнаго сужденія*.

II. Пессимизмъ какъ нравственное сужденіе.—Классификація важнѣйшихъ типовъ пессимизма.

Если предметомъ нравственнаго сужденія служитъ міръ, поскольку онъ поддается нашему познаванію, то всѣ возможныя сужденія о цѣнности жизни, какъ бы пестры и разнообразны ни были они по своему содержанію и происхожденію, сведутся напослѣдокъ къ *двумъ* категоріямъ: либо существующій міръ

(поскольку онъ служитъ предметомъ воспріятій, доступныхъ намъ по природѣ нашихъ познавательныхъ способностей) *соотвѣтствуетъ* постулируемому нами нравственному міропорядку, либо, напротивъ, онъ не согласуется съ нимъ т.-е. идетъ въ разрѣзъ съ нашимъ представленіемъ о наивысшемъ благѣ; въ первомъ случаѣ мы назовемъ его *согласнымъ съ нашимъ представленіемъ о должномъ и, слѣдовательно, „хорошимъ“, „лучшимъ“ или „наилучшимъ изъ всѣхъ возможныхъ міровъ“* (глядя по тому, въ какой мѣрѣ онъ соотвѣтствуетъ нашему представленію о наивысшемъ благѣ); во второмъ случаѣ мы назовемъ его *несогласнымъ съ нашимъ представленіемъ о наивысшемъ блазѣ и, слѣдовательно, „худымъ“, „худшимъ“ или „наихудшимъ изъ всѣхъ возможныхъ міровъ“*.

Если существующій міръ согласуется съ нашимъ представленіемъ о должномъ, мы признаемъ его *нравственно пріемлемымъ*, т.-е. будемъ постулировать его *бытіе* и на вопросъ: «стоитъ ли жить», отвѣтимъ: *„да, стоитъ“*, потому что жизнь—наивысшее благо, а существующій міръ—царство добра и источникъ наивысшихъ радостей».

Если же существующій міръ *не согласуется* съ нашимъ представленіемъ о должномъ, мы признаемъ его *нравственно непріемлемымъ*, т.-е. будемъ нравственно протестовать противъ существующаго міропорядка, постулировать или желать его *небытія*, и на вопросъ: «стоитъ ли жить?» отвѣтимъ теперь: *„нѣтъ, не стоитъ“*, потому что жизнь—наивысшее зло, а міръ—царство скорби и юдоль неисчислимыхъ страданій».

Первый типъ міровоззрѣнія, провозглашающій нравственную апологию міра, называютъ *оптимизмомъ* (терминъ этотъ, введенный впервые въ 1737 г. іезуитомъ Треву (Tréwoux), происходитъ отъ латинскаго слова *optimus*—наилучшій). Тезисъ этой доктрины сводится къ утвержденію, что въ нравственной эконіи міра добро и наслажденіе преобладаютъ надъ зломъ и страданіями и что бытіе міра, какъ *„наилучшаго изъ всѣхъ возможныхъ“* (формула Лейбница), предпочтительнѣе его небытія. Родоначальникомъ этого типа міропониманія считаютъ основателя нѣмецкой философіи XVIII вѣка—Готфрида Вильгельма Лейбница ¹⁾ (1646—1716), въ системѣ котораго философскій оптимизмъ достигъ своего апогея.

¹⁾ На русскій языкъ переведены слѣдующія сочиненія Лейбница: 1) «Избранныя философскія сочиненія», переводъ членовъ московскаго Психологиче-

Лейбницева аргументація этого тезиса сводится въ самыхъ краткихъ чертахъ къ слѣдующимъ соображеніямъ: существующій міръ долженъ быть признанъ наилучшимъ изъ всѣхъ возможныхъ міровъ, потому что онъ созданъ самимъ Богомъ; допущеніе всякаго иного лучшаго міропорядка, чѣмъ тотъ, который существуетъ въ дѣйствительности, несовмѣстимо съ представленіемъ о Богѣ, какъ о мудромъ, всеблагомъ и всемогущемъ Существѣ; отсюда, однако, не слѣдуетъ еще, что существующій міръ—*абсолютно* совершененъ: такой выводъ не мирится съ существованіемъ зла въ нравственной экономіи міра. Лейбницъ различаетъ три категоріи зла: метафизическое зло творенія (абсолютно неизбежное, такъ какъ никакое сотворенное существо немислимо безъ несовершенства, присущаго всему конечному и ограниченному, т.-е. всякой твари), физическое зло или страданіе (существованіе его оправдывается тѣмъ, что оно способствуетъ приумноженію добра) и нравственное зло или вину (этотъ видъ зла находитъ свое оправданіе въ томъ, что онъ служитъ неотъемлемымъ условіемъ нравственнаго самосознанія, безъ котораго невозможна никакая нравственность).

Формула Лейбница страдаетъ, однако, двумя недостатками: во-первыхъ, Лейбницъ присваиваетъ слову «наилучшій» двоякое значеніе и одновременно разумѣетъ подъ этимъ предикатомъ— «*относительно* наилучшій» и «*абсолютно* наилучшій»; такимъ двойственнымъ значеніемъ (quaternio terminorum) термина «наилучшій» и объясняется то логическое противорѣчіе, къ которому неизбежно пришелъ Лейбницъ, утверждая, съ одной стороны, что нашъ міръ—*наилучшій* изъ всѣхъ возможныхъ и признавая, однако, съ другой стороны, что существующій міръ *не можетъ быть названъ абсолютно совершеннымъ*; во-вторыхъ, если допустить, что существующій міръ—*абсолютно* наилучшій изъ всѣхъ возможныхъ,

скаго общества (IV выпускъ). Москва, 1890; 2) «Теодицея», пер. К. Истомина, напечат. въ «Вѣрѣ и Разумѣ» 1887—1892; 3) «Монадологія», пер. К. И—на, напечат. въ «Вѣрѣ и Разумѣ», 1891, № 20; 4) «На разумѣ основанные принципы о природѣ и благодати», пер. К. И—на, напечат. въ «Вѣрѣ и Разумѣ», 1892, № 22; 5) «Новый опытъ о человѣческомъ разумѣ», напечат. въ «Вѣрѣ и Разумѣ», 1892, № 24 (пер. К. И—на); 6) «Трактатъ Лейбница «О свободѣ» и «Письмо его же къ Косту о необходимости и свободѣ», перев. С. Грузенбергъ (въ прилож. къ моему переводу монографіи Куно Фишера «О свободѣ чловѣка», 3-е изд. Спб. 1900).

то въ такомъ случаѣ неминуемо придется признать, что онъ по природѣ своей *не поддается дальнѣйшему улучшенію* и, слѣдовательно, никакое *усовершенствованіе міра завѣдомо невозможно*; признаніе міра *абсолютно* наилучшимъ изъ всѣхъ возможныхъ равносильно, поэтому, *отрицанію возможности прогресса*, да и не одной только возможности, но и *всякой надобности* въ усовершенствованіи міропорядка; между тѣмъ вѣра въ прогрессъ въ смыслѣ возможности *безконечнаго* усовершенствованія типа человѣчества и поступательнаго роста культуры составляетъ не только молчаливый постулатъ, но и отправную посылку всякаго оптимизма, какъ динамическаго міропониманія. Формула Лейбница можетъ быть принята поэтому, съ той только оговоркой, что предикатъ „наилучшій“ слѣдуетъ понимать *не въ абсолютномъ, а единственно лишь въ относительномъ смыслѣ* этого слова; въ такомъ случаѣ формула Лейбница приметъ слѣдующій видъ: существующій міръ способенъ къ безконечному усовершенствованію и *въ этомъ только смыслѣ* можетъ быть признанъ *наилучшимъ* изъ всѣхъ возможныхъ міровъ ¹⁾.

Еще Гегель остроумно замѣтилъ, что «величайшій врагъ хорошаго—лучшее» («le plus grand ennemi du bien, c'est le mieux»). То же самое можно, конечно, сказать и о «наилучшемъ» въ томъ *условномъ* значеніи, которое присваиваетъ Лейбницъ этому слову.

Вообще, споръ о томъ, какъ назвать нашъ подлунный міръ—«наилучшимъ» ли, или «наихудшимъ изъ всѣхъ возможныхъ»,—представляетъ въ сущности праздный споръ о словахъ.

¹⁾ Ср. соображенія проф. Мишле по этому вопросу („Бесѣда о пессимизмѣ, происход. въ Берлинскомъ философскомъ обществѣ“, стр. 283 и 284): „отчего же не поставить вопроса совершенно *положительно*: хорошъ ли міръ или дурень? Отъ положительной степени „благо и зло“ черезъ сравнительную: „лучшее и худшее“ приходимъ мы къ заключенію „самое лучшее и самое худшее“. По мнѣнію проф. А. Лассона „превосходная степень была бы здѣсь такъ же наивна, какъ выраженія: „гигантскій“, „громадный“, „колоссальный“, которыми такъ любятъ щеголять полуобразованные люди“ (ibid, стр. 228). Куно Фишеръ полагаетъ, наоборотъ, что „если принимать слова въ такомъ точно смыслѣ, въ какомъ слѣдовало бы, то *только утѣшеніе*—„существующій міръ есть *наихудшій*“—*можетъ быть названо „пессимизмомъ“*“ (см. Куно Фишеръ: „Артуръ Шопенгауэръ“, пер. В. Преображенскаго. Изд. Моск. Психолог. общества. 1896, стр. 499).

Чтобы показать на примѣрѣ, до какихъ курьезовъ доходятъ подчасъ словесные турниры пессимистовъ и оптимистовъ и «важный споръ» ихъ о томъ, быть ли нашему подлунному міру «наилучшимъ» или «наихудшимъ изъ всѣхъ возможныхъ міровъ», достаточно привести хотя бы слѣдующій весьма распространенный среди пессимистовъ аргументъ противъ оптимизма: «если нашъ сущій міръ»—говорить одна изъ видныхъ представительницъ «крайней лѣвой» пессимизма, Анна Тауберъ—«долженъ быть признанъ наилучшимъ изъ всѣхъ возможныхъ, то отсюда слѣдуетъ лишь то, что всѣ другіе возможные міры были бы *еще хуже*; но отсюда еще не вытекаетъ, что нашъ міръ имѣетъ какую-либо цѣнность» ¹⁾. Легко видѣть, однако, что *доводъ этотъ можно съ такимъ же успѣхомъ направить и противъ пессимизма*: въ самомъ дѣлѣ, если нашъ міръ долженъ быть признанъ наихудшимъ изъ всѣхъ возможныхъ (какъ согласно утверждаютъ Шопенгауэръ и Гартманъ), то отсюда слѣдуетъ лишь то, что всѣ другіе возможные міры были бы *еще лучше*, но отсюда отнюдь еще не вытекаетъ, что нашъ міръ не имѣетъ никакой рѣшительно цѣности!..

Къ числу разновидностей пессимизма Джемсъ Селли относитъ *смѣшанный типъ оптимизма и пессимизма*, которому онъ, вслѣдъ за Джорджемъ Эллиотъ, присваиваетъ наименованіе „меліоризма“ (отъ латинскаго слова *melior*—лучшій); однако меліоризмъ, какъ понимаетъ его Селли, представляетъ весьма существенное уклоненіе отъ оптимизма.

Второй типъ міровоззрѣнія, провозглашающій нравственную апологію небытія или пресѣченія міра, называютъ „пессимизмомъ“ (отъ латинскаго слова *pessimus*—наихудшій).

Тезисъ этой доктрины сводится къ утвержденію, что въ нравственной экономіи міра зло и страданія преобладаютъ надъ добромъ и наслажденіями и что небытіе міра, какъ *наихудшаго* изъ всѣхъ возможныхъ, предпочтительнѣе его бытія.

Нѣкоторые авторы (Г. Кнауэръ, К. Гаймъ, А. Тауберъ, А. Лассонъ) присваиваютъ пессимизму наименованія „мализма“ («*Malismus*» отъ латинскаго слова *malus*—худой) и „мизерабилизма“ («*Miserabilismus*» отъ латинскаго слова *miserabilis*—достойный оплакиванія, жалкій). *Средній типъ* между пессимизмомъ

¹⁾ См. А. Тауберъ: „Der Pessimismus und seine Gegner“. Berlin. 1873. S. 11.

и оптимизмомъ представляетъ теорія *квіетизма* (отъ латинскаго слова *quies*—покой; основателемъ квіетизма считаютъ Михаила Молиноса 1675) или *попустимости зла*. Теорію эту, получившую философское обоснованіе въ системѣ Лейбница и возрожденную въ наше время нравственной проповѣдью Льва Толстого, («ученіе о непротивленіи злу зломъ») не слѣдуетъ, однако, смѣшивать съ *нигилизмомъ* (отъ латинскаго слова *nihil*—ничто), представляющимъ самостоятельный типъ «вселенскаго или космическаго пессимизма». Наконецъ, отъ нравственнаго пессимизма (со всѣми указанными разновидностями его) слѣдуетъ строго отличать совершенно самостоятельный и, по моему мнѣнію, единственный научный типъ пессимизма—такъ называемый „*агностицизмъ*“ или теорію познанія, отрицающую въ концѣ возможность познанія истинной сущности міра. Этотъ типъ пессимизма *sui generis* покоится на чисто гносеологическихъ предпосылкахъ и имѣетъ своимъ предметомъ не нравственную, а интеллектуальную природу человѣка; я хотѣлъ бы, поэтому, назвать его „*гносеологическимъ* или *интеллектуальнымъ пессимизмомъ*“—въ отличіе отъ „*нравственнаго пессимизма*“, который отправляется отъ субъективныхъ нравственныхъ постулатовъ, не поддающихся по природѣ своей научной провѣркѣ, и посему—псевдонаученъ¹⁾.

«Гносеологическій или интеллектуальный пессимизмъ»—какъ мы увидимъ—представляетъ, вообще, *единственный* типъ пессимизма, который поддается объективной научной провѣркѣ и относится, поэтому, къ «нравственному пессимизму»—какъ *наука*—къ морально обоснованной *вѣрѣ*. Къ нравственному (или метафизическому) пессимизму относятъ также *религіозный* пессимизмъ (буддизмъ и многочисленныя религіозныя секты, проповѣдующія аскетизмъ и пресѣченіе «грѣховнаго міра»), хотя правильнѣе было

¹⁾ Ср. проф. Н. Гротъ („О научномъ значеніи оптимизма и пессимизма какъ мировоззрѣній“. Одесса, 1884, стр. 22): „Исповѣданіе субъективной вѣры въ преобладаніе добра или зла, счастья или несчастья въ мірѣ никому нельзя воспретить, но и оправдывать или мотивировать ее научно нѣтъ надобности; она такъ же законна, какъ законны и самыя чувства и настроенія человѣка, т. е. весь его индивидуальный душевный строй. Но какъ скоро эта субъективная вѣра пытается навязать себя человѣчеству, какъ *объективная догма*, такъ она тѣмъ самымъ нарушаетъ свои законныя права и требуетъ серьезнаго отпора въ качествѣ доктрины метафизической, *псевдонаучной*“. Подъ такое опредѣленіе не подойдетъ, однако, агностицизмъ или „интеллектуальный пессимизмъ“, какъ строго научная доктрина.

бы отнести его, какъ и *поэтический* пессимизмъ, (Леопарди, Байронъ, Гейне, Ленау, Аккерманъ и др.) къ „*интуитивному или непосредственному пессимизму настроенія*“. Джемсъ Селли называетъ этотъ послѣдній типъ пессимизма «инстинктивнымъ, обыденнымъ», въ противоположность «философскому пессимизму», хотя, какъ я сказалъ уже, только «гносеологическій или интеллектуальный пессимизмъ» можно назвать «философскимъ» въ строгомъ смыслѣ этого слова, такъ какъ всѣ остальные категоріи пессимизма представляютъ въ сущности лишь разновидности интуитивнаго (или «инстинктивнаго», по терминологіи Селли) пессимизма.

За послѣдніе годы въ *медицинской* литературѣ (Зейдлицъ, Мебіусъ, Перэ и отчасти Максъ Нордау) замѣчаются рискованныя попытки разсматривать пессимизмъ какъ душевный недугъ *suí generis*, хотя всѣ нормальные люди связывали до сихъ поръ со словомъ «пессимизмъ» представленіе объ извѣстномъ историческомъ типѣ философскаго и религіознаго міропониманія. Если пессимизмъ—душевная болѣзнь, какъ не на шутку увѣряютъ насъ медики, то исторія философіи должна заявить отводъ противъ такого *патологическаго* пессимизма, такъ какъ мѣсто ему—не въ исторіи философскихъ идей и религіозныхъ представленій, а въ перечнѣ душевныхъ болѣзней¹⁾.

III. Пессимизмъ и прогрессъ.

Темой оптимизма и пессимизма служить вопросъ о балансѣ (Billanz) добра и зла: оптимизмъ относитъ наслажденія и радости жизни къ *активу* душевной экономіи человѣка, пессимизмъ же

1) Въ 1872 г. въ Дерптѣ появилось сочиненіе доктора медицины Карла Зейдлица подъ заглавіемъ: „Артуръ Шопенгауэръ съ медицинской точки зрѣнія“ („Dr. Artur Schopenhauer vom medicinischen Standpunkte aus betrachtet“), въ которомъ авторъ пытается доказать на основаніи будто бы данныхъ психіатріи, что „отецъ европейскаго пессимизма“—Шопенгауэръ былъ душевнобольной, и что его пессимизмъ—плодъ больного воображенія. См. по этому поводу изслѣдованіе д-ра Мебіуса „О Шопенгауэрѣ“ (Мебіусу принадлежитъ также монографія „Болѣзнь Ницше“) и интересную статью Б. Перэ: „Пессимизмъ какъ болѣзнь“, напечат. въ „Revue philosophique“ за 1892, кн. 1, а также статью Л. Е. Оболенскаго: „Пессимизмъ, какъ болѣзнь“, напечат. въ № 52 „Новостей“ за 1892 г. См. также проф. В. Чижевскій: „Біологическое обоснованіе пессимизма“, 1895.

причисляетъ ихъ къ *пассиву*; съ точки зрѣнія оптимизма балансъ наслажденій представляется *положительнымъ*; съ точки зрѣнія пессимизма—*отрицательнымъ*¹⁾.

Взвѣсивая на воображаемыхъ вѣсахъ блага и страданія жизни, оптимисты и пессимисты діаметрально расходятся во взглядахъ на мѣру добра въ нравственной экономіи міра, т.-е. на нравственную цѣнность жизни: для оптимистовъ (Лейбницъ) зло представляетъ лишь слабую степень добра; для пессимистовъ же (Шопенгауэръ, Гартманъ) наоборотъ, наивысшее благо (*summum bonum*) состоитъ въ отсутствіи зла. Слѣдуетъ замѣтить, однако, что оптимизмъ отнюдь не исключаетъ наличности зла и страданій жизни; оптимизмъ утверждаетъ лишь, что *summa summaum* добро и наслажденіе *преобладаютъ* надъ зломъ и страданіями и допускаетъ въ то же время возможность абсолютнаго пресѣченія зла и полного искорененія страданій. Такое допущеніе молчаливо покоится на вѣрѣ въ прогрессъ въ смыслѣ усовершенствованія нравственнаго типа человѣчества и *безконечнаго* «развитія мірового процесса»; въ свою очередь и пессимизмъ отнюдь не отрицаетъ наличности благъ и радостей жизни; пессимизмъ утверждаетъ лишь, что блага и радости жизни носятъ чисто отрицательный и при томъ призрачный (иллюзорный) характеръ и что въ конечномъ итогѣ зло и страданіе преобладаютъ надъ добромъ и наслажденіями; съ точки зрѣнія пессимизма не можетъ быть и рѣчи объ абсолютномъ пресѣченіи страданій и о побѣдѣ добра надъ зломъ, такъ какъ по мѣрѣ усовершенствованія нравственнаго типа человѣчества и роста культуры возрастаетъ, по ихъ мнѣнію, и сумма страданій, и *всякій прогрессъ неизбежно способствуетъ* поэтому, *приумноженію* зла и страданій: «по мѣрѣ того, какъ увеличиваются наслажденія, — говоритъ Шопенгауэръ, — наша чувствительность къ нимъ притупляется: то, что сдѣлалось привычнымъ, не воспринимается уже какъ удовольствіе; но *благодаря именно этому растетъ чувствительность къ страданію*, такъ какъ потеря привычнаго, вошедшаго въ повседневный обиходъ, чувствуется какъ страданіе; такимъ образомъ, чѣмъ большаго мы достигли, тѣмъ значительнѣе становятся

¹⁾ По словамъ Гартмана („Философія безсознательнаго“, стр. 272): „Наслажденіе и страданіе различаются на подобіе математическихъ положительныхъ и отрицательныхъ величинъ, такъ что безразлично, какой знакъ (+ или —) придать одному и какой—другому“.

наши потребности, а вмѣстѣ съ ними—и *наша чувствительность къ страданію*“. Къ такому же выводу приходитъ и Гартманъ: онъ раздѣляетъ взглядъ Шопенгауэра на *прямо пропорціональное отношеніе* между суммой наслажденій и степенью восприимчивости къ страданіямъ: «Всѣ привычныя и регулярныя удовольствія воли,—говоритъ Гартманъ,—ощущаются какъ удовольствія тѣмъ менѣе, чѣмъ блѣднѣе становится воспоминаніе о противоположныхъ опытахъ; ясно, что вслѣдствіе этого *большая часть (не по степени, а по количеству) удовольствій воли теряется для сознанія, тогда какъ неудовольствія ощущаются сполна; поэтому-то справедливо говоритъ Шопенгауэръ: «Мы чувствуемъ желаніе такъ же, какъ голодъ и жажду: но при исполненіи его бываетъ то же, что и съ проглоченнымъ кускомъ, который тотчасъ же послѣ того перестаетъ существовать для нашего чувства... Когда прибавляются наслажденія, восприимчивость къ нимъ убываетъ: обычное уже не ощущается какъ наслажденіе; но за то увеличивается восприимчивость къ страданіямъ»*¹⁾. По мнѣнію Гартмана, прогрессъ способствуетъ лишь приумноженію страданій человечества, такъ такъ «при прогрессивно возрастающемъ разумѣ въ мірѣ все болѣе и болѣе будутъ подкапываться иллюзіи бытія, пока, наконецъ, не будетъ признано, «что все суета суетъ»; въ противность оптимистамъ Гартманъ полагаетъ, что *„жизнь въ мірѣ по мѣрѣ достиженія или цѣли своего развитія, будетъ все несчастнѣе; отсюда же должно слѣдовать, что разумнѣе было бы воспрепятствовать развитію міра, и чѣмъ раньше, тѣмъ лучше, а всего лучше было бы не допустить его возникновенія»*²⁾.

Пессимизмъ, какъ философская доктрина, дѣлаетъ тщетной постановку социальныхъ и культурныхъ идеаловъ и разрѣшается на послѣдокъ въ отрицаніе всякаго прогресса въ смыслѣ безконечнаго развитія мірового процесса: съ точки зрѣнія «отца философскаго пессимизма» Шопенгауэра міровой процессъ представляется проявленіемъ творческой стихійной силы—«воли къ жизни» («Wille zum Leben»), проступающемъ въ нашемъ сознаніи, какъ всеединое міровое начало, призывавшее къ жизни пестрый міръ явленій; эта «воля къ жизни», составляющая сущность

¹⁾ Эдуардъ Гартманъ: „Философія безсознательнаго“, сокращенный переводъ А. Козлова, стр. 271.

²⁾ Эдуардъ Гартманъ: „Философія безсознательнаго“ и т. д. Т. II, стр. 263.

(*primum movens*) всякой жизни,—насквозь ненасытное влеченіе, неугомонный порывъ (*Drang*)—безъ цѣли, безъ мѣры, безъ основанія; она—слѣпая, безотчетная жажда жить; только претвореніе ея вовнѣ отпечатлѣвается въ нашемъ мозгу, какъ явленія, падающія подѣ тиски времени, пространства и желѣзнаго закона причинности («закона достаточнаго основанія»); сама же воля къ жизни, какъ метафизическій первообразъ,—какъ логическая модель міра, по природѣ своей *абсолютно не зависитъ отъ времени, пространства и закона причинности*, скрывающаго всѣ ея проявленія; а такъ какъ *никакое дѣйствіе немыслимо внѣ времени и пространства*, то воля міра *абсолютно не способна къ какимъ дѣйствіямъ*, и ей, слѣдовательно, въ конецъ чужды три формы всякаго дѣйствованія—возникновеніе, длительность и прекращеніе; такъ какъ, далѣе, всякое развитіе, т.-е. поступательное движеніе, предполагаетъ неотъемлемымъ условіемъ своимъ дѣйственность (*Wirksamkeit*) или способность дѣйствовать во времени, а «воля къ жизни», *по природѣ своей лишена этой способности*, то о поступательномъ развитіи мірового процесса, какъ проявленія абсолютно внѣвременной и внѣдѣйственной «воли къ жизни» не можетъ быть никакой рѣчи; отсюда ясно, что пессимизмъ Шопенгауэра разрѣшается напослѣдокъ въ отрицаніе мірового прогресса, такъ какъ абсолютная внѣдѣйственность міровой воли завѣдомо исключаетъ возможность поступательнаго или—что то же самое—*прогрессивнаго* развитія міра. Самое выраженіе «міровой прогрессъ» представляетъ на языкѣ Шопенгауэра сочетаніе двухъ исключających другъ друга понятій и имѣетъ такой же смыслъ, какъ, напр., выраженія: «движеніе покоя» или «внѣдѣйственное дѣйствіе» и т. п.

Въ отрицаніи возможности усовершенствованія міра, этого «княжества тьмы въ пандемоніумѣ Мильтона», надъ которымъ тяготѣетъ неискупимая вина бытія, и почерпаетъ свое обоснованіе тезисъ безнадежнаго пессимизма Шопенгауэра. Тезисъ этотъ гласитъ: *«въ сущности всякая жизнь есть страданіе»*.

Къ отрицанію прогресса неизбѣжно пришелъ и современный апостолъ пессимизма—Эдуардъ Гартманъ, провозгласившій въ своей «Философіи безсознательнаго» космическое самоубійство міра единственнымъ средствомъ спасенія міра.

Основной тезисъ пессимизма Гартмана сводится въ конечномъ итогѣ къ утвержденію, что сущность мірового процесса—про-